

ГОА КАК ПОПЫТКА К БЕГСТВУ

Ян Бурума, Елена Пенская

Следствием кризиса во все времена была не только политическая радикализация части общества, но и прямо противоположный процесс, получивший название дауншифтинг, – отказ от высокого социального статуса во имя «жизни ради себя». Со времени молодежных бунтов 1960-х годов одним из излюбленных мест исхода подобных «беглецов от общества» стал индийский штат Гоа на берегу Аравийского моря. Прекрасный климат, дешевизна и непритязательность образа жизни, доступность легких наркотиков сделали Гоа идеальным местом для всех, кто разуверился в ценностях западного мира. Об этом на страницах «РЖ – Тема недели» рассуждают Ян Бурума, профессор права (Бард Колледж, Нью-Йорк), журналист и писатель, и Елена Пенская, заместитель главного редактора РЖ.

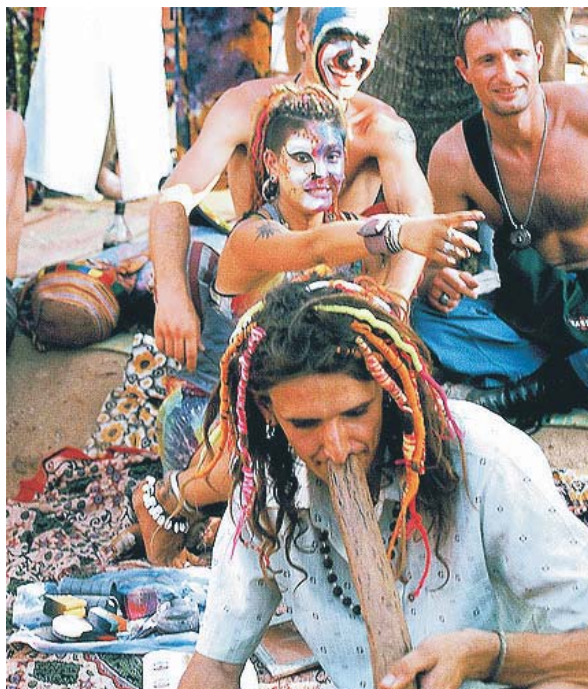
Сложный культурный ландшафт Lonely Planetland, контуры которого начали проступать где-то во второй половине 1960-х годов: Гоа, Катманду, Бангкок, остров Самуй, Бали, – образуют целый комплекс, где происходит смещение цивилизационного вектора. Этот мир возник как результат извержения очередной кризисной лавы, выброшенной взбунтовавшимся средним классом, средой, восставшей против самой себя, более всего на свете возненавидевшей собственные корни, культуру Запада, ею же созданную.

Дорога на Восток, минующая Стамбул, Кабул, Пакистан и Малайзию, где в силу строгости законов хиппи старались не задерживаться, – это действительно такой «мягкий шанкр», следствие масштабного и разветвленного кризиса, затронувшего глобальные системные вещи, которые экранируют в частном, локальном, интимном.

Ошибочно думать об этой культуре как об уникальной. Ее потребитель – будь то хиппи или вполне благополучный турист-буржуа, ищущий пляжных удовольствий, – существо с очень средним конформистским вкусом. К его услугам на всем пути одни и те же удовольствия: блошинные рынки, забегаловки, лавки с тантрическими безделушками похожи как две капли воды в гоанской Анджуне и в Лхасе. Есть что-то жутковатое и странное в этом однообразии. Индустрия. Все эти штуки – отличный пример упаковки и переупаковки

хипповских грез во множественные симулякры, предметы массового употребления с чудовищными тиражами. С 1972 года масштабы этой индустрии выросли в разы.

Плоды бунта среднего класса против западного мироустройства превратились в свою противоположность: там, где искали обнуление нирваны, обнаружился глобальный

капитализм. Собирабельное «Гоа» – еще одна его очередная инкарнация-маска.

Россия последние лет десять наворачивает упущенное, активно обживая места чужого гнездовья. Любовь к Гоа по-русски: крепкие ребята, сколотив небольшое состояние, спешно распродают все и отъезжают в «намоленное» место, поначалу расслабляясь и по-школьному повторяя все указанные в путеводите-

лях циновочно-пальмовые удовольствия, сдобренные составом из бутылочки с экстази, а потом потихоньку возвращаются в бизнес. Наш еженедельный общественно-политический глянец любит «реально-выдуманные» истории Гоа-успеха о правильных продавцах или владельцах средне-крупных фирм (почему-то сантехники) из Питера, Москвы или Новгорода, переключившихся на строительные дела, открывших в себе на Аравийском берегу новые бизнес-чакры, еще более эффективно реализуемые на родине.

Вокруг Гоа складывается своя нервная стилистика. Путевые зарисовки, ЖЖ-дневники, застолбленные «литучастки» – чего стоит полусостоявшийся роман диск-жокея, музыканта, бизнесмена,

гурмана Александра Сухочева «Гоа-синдром» (написав название, автор вполне мог поставить точку и на этом считать свою художественную задачу выполненной). Вплоть до легендарной лекции следящего за метафизическими трендами Павла Пепперштейна «Почему русские ездят в Гоа?» (с подзаголовком «О стратегиях личного сопротивления в эпоху глобализма») – незавершенный проект издательства Ad Marginem – автор предался какой-то своей разновидности гоа-шифтинга. «Не-Гоа», «Гоа-отрицание», «Гоа-нон-стоп». Русская колония. Пляж Морджим. Ресторан «Главфиш».

Кафе «Бора-бора». Уродливая русская газета. Гоа-Коктебель. Новые имитации. Кризис путает все карты. Меняет культурный ландшафт. Пока неизвестно, какой «глобальный планетарий» выползет из-под обломков, чем завтра обернется Lonely Planetland – клочком земли для спасшихся, катакомбами первых христиан или точкой жизненной сборки экономкласса, прошедшего гоа-реабилитацию. ■